

Король Евгений

Лене досталась мужская роль в новой пьесе. Так часто бывало в школьном театре: мальчиков мало, надо кому-то играть.

— Ты крупненькая, будешь королем, — сказала режиссер Алла Николаевна.

Лена вообще-то хотела сыграть принцессу, но потом прочитала пьесу и поняла, как же ей повезло. Настоящее счастье! Мало того, что король Евгений был одним из главных лиц, хоть и появлялся только во втором акте — а это ого-го для того, кто второй год в театре, да еще и «крупненький!» Мало того, что он был противоречивым, и тонким, и грубым, и отважным, он менялся и раскрывался — не роль, а просто мечта. Но еще его история была полна любви, сражений, звезд и смертельной опасности — такую историю Лена написала бы сама, если бы умела. И мир короля Евгения захватил ее.

Она быстро запомнила текст. Она повторяла его про себя по дороге, и лежа в постели, и на уроках. Жаль, репетировать пока не приходилось: начали с первого действия, до Евгения все не могли добраться, и Лена каждый раз скучала в зрительном зале.

Однажды вдруг заскрипели стулья, задрезжала посуда на сцене.

— Кто балуется? — спросила Алла Николаевна. Но все смотрели друг на друга одинаково вопросительно.

— Землетрясение? — предположил кто-то. Раскрытая дверь закачалась, словно кивая.

— Все на выход! — побледнела Алла Николаевна.

Это и в самом деле было землетрясение. Разрушений оно, впрочем, не нанесло, но основательно перепугало весь город. Школьники высыпали под дождь и с восторгом орали что-то в смартфоны. Репетиция на этом, конечно, закончилась. Когда вернулись за вещами, Алла Николаевна сказала Лене:

— Ты пока, знаешь, можешь не ходить. Мы первое действие репетируем, ты пока учи слова.

И Лена учила. В тот вечер особенно сильно. К вечеру всем пришли уведомления: ожидаются новые толчки, всем срочно покинуть помещения. Лена, папа и брат вышли скитаться по холодной улице. Приключение перестало быть смешным. По дворам стоял народ в смутном ожидании беды. А дома была мама, она осталась с бабушкой. На шестом этаже — как знать, что с ними будет в случае толчков. Папа с братиком болтали, а Лена все повторяла про себя роль: «Вы мне дороги. Оставайтесь! В нашей стране даже звезды холоднее...» Бабушка не могла никуда эвакуироваться, да и не хотела. Она давно не вставала с постели, и ей было все равно, от чего умирать: от рака или от землетрясения. «Я изменился, принцесса. Вы мне дороги. Оставайтесь!»

Через два часа стало понятно, что толчков больше не будет, и все разошлись по домам — спать.

Шли дни, и бабушке было все хуже. Лена в школе отключала звук на телефоне и старалась пореже смотреть на него, а когда приходила домой, все ждала, что на маме будет черный свитер — как в день смерти прабабушки. Она закрывала глаза — и король Евгений снова и снова возвращался из боя живым, преображенным, влюбленным. Лена представляла себе, как она выйдет на сцену, и весь зал влюбится в короля, в ее короля.

Худший день был серым, полным унылой мороси, как полагается в конце октября. На музыке им поставили «Звезду и смерть Хаокина Мурьеты». Лена не запомнила звезду, зато хорошо запомнила смерть. Опять смерть! Она визжала, выла и клокотала, и Лена думала о бабушке, и музыка прочно засела в голове. Даже утешительные слова короля Евгения не могли ее оттуда выбить.

После уроков в тот день была репетиция, но Лене ведь временно было не надо. К тому же физичка велела в срочном порядке подойти всем, у кого долги. Под дверь кабинета физики собрался народ с параллели. Лена разговорилась с белобрысой девочкой с театра, и вдруг услышала такое, от чего в голове ударила рок-опера с новой оглушительной силой.

— Тебя же заменили, — сказала девочка, — тебе не надо больше на репетиции сказки ходить.

— Как заменили?..

Это было страшнее землетрясения, безнадежнее осени. Лена, наплевав на физику, помчалась в зал. На сцене стояла Даша и читала с распечатанных листов текст — ее текст!

— Алла Николаевна, — подбородок запрыгал, как не плакать, как? — это же моя роль, почему?

— Так ты же на репетиции не ходишь, Лен!

— Но вы же сами сказали... Так не честно...

— Мы Дашу вместо тебя ставили — я и решила, пусть она остается. Смотри, ей идет, она крупненькая. А ты без роли не останешься, тебе Дашину дадим. Что там у нас? Да — бабушки Мяты.

— Я король, — прошептала Лена, — король Евгений.

— Ну не плачь, — сжалилась Алла Николаевна. — Сейчас сцену пройдем, и попробуем тебя. Садись пока.

Все смотрят — какой позор! Все видят, как Лена плачет. И как объяснить им, что это не из-за роли, а просто бабушка скоро умрет, а тут еще Хаокин Мурьета, и двойка по физике, и серое утро без просвета. И как объяснить бабушке, что это не из-за нее. Бабушка, не волнуйся. Это просто король мне очень нравился.

Лена вздохнула, собралась. Вышла на сцену, когда настало время. Отложила в сторону протянутые листы с текстом.

— В нашей стране даже звезды холоднее...

Король Евгений прячет свои слезы. Он ловок, весел и дерзок, и его ждет любовь лучшей девушки, и он станет другим.

...Даша и правда выше Лены почти на голову.

— Алла Николаевна, ну так что вы решили? — недовольно спрашивает она.

— Ты же видишь, — разводит руками режиссер. — Она весь текст уже выучила. И вообще... — она смотрит на Лену задумчиво.

А дома Лене открыла дверь мама в черном свитере. Значит, все закончилось.

Спектакль играли весной. С ним было много суеты: смеялись, ссорились, перекраивали текст. Король Евгений оказался вблизи не так уж хорош: Алла Николаевна урезала несколько самых пронзительных сцен. Сражение на шпагах толком не репетировали, а красotka-принцесса наотрез отказалась целоваться с Леной, и пришлось ее только слегка обнять. После спектакля, шатаясь от счастья, вывалились в апрельские сумерки всей толпой: с принцесской, и Дашей, и той беленькой из параллельного класса. Ветер был такой теплый — не хотелось его выдыхать. Лена шла домой и пыталась понять, почему так легко и приятно наконец отпустить короля, которого она любила. Когда же она охладела к нему? Может быть, тогда, осенью, когда она отстояла эту роль и сыграла ее лучше, чем сегодня, лучше, чем могла.